

Элла Панеях

Alena V. Ledeneva. Can Russia Modernise? *Sistema*, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 327 pp. ISBN 978-0-521-12563-5.

Элла Панеях. Адрес для переписки: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. paneyakh@eu.spb.ru.

Может ли Россия модернизироваться? Книга, посвященная такому животрепещущему вопросу, просто не может не оказаться увлекательной для российской аудитории. Не интригуя читателя до последнего абзаца, как это делает сама автор, признаем сразу: однозначного ответа на поставленный вопрос книга не дает. Алёна Леденёва, известный социолог (Университетский колледж Лондона) и автор работ о блате и неформальных практиках управления в России (Ledeneva 1998, 2006), в своей новой книге описывает особую систему институтов, которую она считает центральной для политического и экономического устройства страны и которая является отличительной чертой России по сравнению с остальным миром. *Система* (это слово в книге используется как термин), определяемая как «основанные на социальных сетях паттерны неформального управления» (*network-based governance patterns*) (с. 2), которые участники принимают как нечто естественное и не замечают, с точки зрения автора, является и основным социальным клеем, поддерживающим политическое единство российского общества, и главным тормозом на пути модернизации страны.

Леденёва описывает российскую политическую систему, синтезируя патрон-клиентскую модель с вниманием к сетевым связям. Обычный клиентелизм линейно иерархичен: патрон на каждом уровне связан со своим клиентом, который может, в свою очередь, обладать собственной клиентелой, но не имеет отношений с чужими патронами. *Система* же основана на комбинации горизонтальных и вертикальных связей, на иерархии более и менее ближних *кругов*, концентрирующихся вокруг единственного лидера, то есть это система более или менее связанных (в зависимости от близости к центру) горизонтальных сетей, связанных с высшими «этажами» целым набором отношений и обязательств. Амбивалентность структуры сетей, которая задается комбинацией горизонтальных и вертикальных связей, позволяет использовать амбивалентные же практики контроля и управления, что порождает своеобразную модель лидерства (с. 214), основанную на ручном управлении и персональной лояльности и позволяющую как персонально лидеру, так и всей правящей группировке держать под контролем не только «ближний круг», но и все политическое пространство, и страну в целом.

При рассмотрении феномена *системы* Леденёва от качественного анализа сетей переходит к историческому анализу. Описывая сетевые паттерны управления, ассоциируемые с путинской эпохой (речь идет о двух легитимных президентских сроках 1999–2008 годов: «медведевское» четырехлетие и дальнейшие собы-

тия попадают в поле зрения автора лишь отчасти), она сравнивает их с советскими институтами неформального управления, описанными ею же в предыдущих работах, отмечая как развитие модели, так и ее устойчивые черты.

Как основной метод исследования Алёна Леденёва использует качественные интервью с инсайдерами – людьми, работавшими «во власти» (с. 17–18). Разумеется, все интервью анонимны. Несмотря на то, что это не оговорено, из цитат представляется, что соглашались беседовать с английской исследовательницей в первую очередь те, кто в той или иной степени вступил в конфликт с *системой* и, тем самым, был вынужден отрефлексировать для себя те вопросы, о которых лояльный участник даже не задумывается. Такой подход – интервью с критиками-инсайдерами – позволяет исследователю успешно выявлять институционализированные паттерны неформального управления. Если благополучный инсайдер обычно просто не замечает института, то в конфликте институт проявляет себя как принудительная сила и вскрываются внутренние механизмы и методы энфорсмент неявных правил. Анализ интервью также позволяет выявить то, что Леденёва называет «восприятиями власти» (*perceptions of power*, с. 19) – открытые «секреты» *системы*, ее имплицитные правила игры.

Структурная модель сети, составляющей *систему*, – четырехступенчатая иерархия концентрических кругов. На вершине и в центре находится «внутренний круг», или «свои» – группа личных друзей Путина, занимающих ключевые позиции в государственной власти, в первую очередь, в силовых структурах. Далее идут «полезные друзья» – связанные с властью миллионеры, контролирующие ключевые экономические ресурсы; «ключевые контакты» – технократы и управленцы, и, наконец, «опосредованные контакты» – члены таких окол властных группировок с размытыми границами и неопределенным членством, как «питерские», «юристы», «силовики» (с. 72–82). По этому описанию структура *системы* больше похожа на внутреннее устройство организованной преступной группировки, чем на правительство большой современной страны.

Чем же отличается *система* от более привычных институтов власти – формальных и неформальных? Исследовательница выделяет следующие признаки: погруженность в сетевые отношения (*embeddedness*), диффузность (отсутствие ясных границ между формальными и неформальными иерархиями), сложность (отдельный игрок не может предсказать реакцию системы на внешние воздействия), анонимность (размывание ответственности, коллективная ответственность), амбивалентность правил и *открытый секрет*. Последним термином Леденёва обозначает следующее свойство *системы*: «ее сила основывается на том, что люди следуют ее правилам в ответ на возможность стать ее бенефициарами» (с. 24). К свойствам системы относится также «ловушка лидерства»: чем больше лидер опирается на *систему*, тем в меньшей степени он может ее менять (с. 22–25).

В качестве иллюстрации читателю предлагается антропология и история «вертушки» (кремлевской телефонной сети с ограниченным доступом, появившейся в советское время) и трансформации системы эксклюзивного доступа к «президентскому уху» в постсоветское время. Это наиболее увлекательная глава книги (глава 4), где на историю эволюции одной институции, как на стержень, нанизано плотное описание материальной культуры *системы*. Там, где правила амбивалентны, а

иерархии неформальны и скрыты, доступ к привилегиям, символизирующим принадлежность к властному кругу и предоставляющим возможность прямой связи с вышестоящими товарищами, а также с другими членами круга, становится не только сигналом статуса, но и его значительным элементом. Главы 5 и 6, посвященные, соответственно, трансформации «телефонного права» советских времен в систему «сигналов свыше» и приключениям «оборотней в погонах» на ниве административного рейдерства, дополнительно иллюстрируют и развивают описание внутренней жизни *системы* и ее влияния на экономику и общество.

Два новых типа игроков отличают путинскую *систему* от ее советской предшественницы. Это «смотрящие» (*watchers*) и «решальщики» (*fixers*), то есть фигуры, ответственные за обратную связь (передача информации вверх по иерархии) и за разрешение возникающих проблем и конфликтов в режиме ручного управления. Из-за слабости системных механизмов арбитража последняя роль становится особенно важной. В отсутствие иных, более формальных или хотя бы институционально оформленных механизмов обратной связи такие неформальные «винтики» превращаются из чьих-то персональных ставленников в самостоятельных игроков, незаменимых для *системы*.

Система, таким образом, является институтом, главный эффект которого – противостояние модернизации и политическим переменам. Факторы, способствующие устойчивости системы и препятствующие модернизации, здесь определяются как культурные. Это административная и политическая культуры, а также «культура социальных сетей», в которой коренится неформальная власть. Леденёва также выделяет четыре фактора модернизации для современной России; все их можно, наоборот, назвать, во-первых, внешними, и во-вторых, структурными. Это 1) интеграция российского бизнеса в мировую экономику; 2) появление современной технологической инфраструктуры, дающей возможность создания альтернативных *системе* социальных сетей; 3) юридическая интеграция, то есть активное использование российским бизнесом зарубежных судов для арбитража и заключение договоров по правилам выбранной юрисдикции за пределами России; 4) глобализация, в том числе информационная, которая побуждает игроков системы сравнивать Россию с другими странами и рефлексировать над проблемами, все меньше принимая *систему* как данность.

Запрос на модернизацию, исходящий от образованной части общества, находит, таким образом, поддержку в объективных структурных процессах, влияние на которые со стороны *системы* довольно-таки ограничено. Однако на пути модернизации стоят институты власти и интересы ее нынешних бенефициаров. Может ли Россия модернизироваться? Скорее да, чем нет. Но если верна модель, предложенная Леденёвой, без серьезного конфликта между стремящейся к автаркии *системой* и глобализующимся обществом этот процесс вряд ли обойдется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ledeneva, Alena V. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva, Alena V. 2006. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca, NY: Cornell University Press.